

Н. Ф. Степанова, Ю. Ф. Кирюшин, Д. Ю. Рыбаков

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ С НОВОВАСЮГАНСКОГО ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ ИЗ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ¹

Представлены результаты исследований керамики с двух памятников (Нововасюганского поселения и городища) кулайской культуры из Нарымского Приобья, расположенных в непосредственной близости – на расстоянии 60 м, что представляет особый интерес для выявления традиций в изготовлении глиняной посуды. Техничко-технологический анализ керамики проведен в рамках историко-культурного подхода. Основная задача исследований заключалась в выявлении специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс и сравнительном анализе полученных результатов. В результате изучения исходного сырья установлено, что использовались ожелезненные глины (средне- и слабоожелезненные) с большим количеством мелкого песка. В формовочные массы практически не вводили искусственные минеральные примеси, лишь в нескольких случаях зафиксирован шамот, как правило, в низкой концентрации, что не влияло на качество сосудов. Навыки в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс с этих двух памятников очень похожи, но сосудов, изготовленных из одной глины, не обнаружено. Установлено, что гончары с поселения и городища использовали разные залежи глин, которые различались размерами песка. Особенности обжига, обработки поверхности сосудов, нанесения орнамента свидетельствуют о разных традициях изготовления керамики, о разных гончарах и группах населения. Возможно, выявленные особенности связаны с хронологическими причинами, о чем свидетельствуют различия в орнаментации сосудов. Сравнительный анализ с изученными ранее коллекциями кулайской культуры выявил отличия. Для кулайских памятников из Томского Приобья характерно использование слабо- и неожелезненных глин с добавлением в формовочные массы дресвы (дробленного камня), для Прикетья – добавление шамота. На Нововасюганских поселении и городище неожелезненные глины и добавление дресвы не выявлены, а минеральные примеси вводились редко. Наличие на Нововасюганских памятниках рецептов с шамотом может свидетельствовать о небольшом притоке населения с другими навыками подготовки формовочных масс, характерными для Прикетья.

Ключевые слова: *Нововасюганское городище, поселение, кулайская культура, керамика, технико-технологический анализ, исходное сырье, формовочные массы, орнамент, Нарымское и Томское Приобье.*

Керамика – один из наиболее важных источников информации о древнем населении, особенно для ранних периодов истории, о которых нет письменных источников. В последние годы проведен технико-технологический анализ целого ряда коллекций керамики кулайской культуры (Рыбаков, Степанова, 2013; 2017; 2019; Плетнева, Степанова, 2018; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021; Селин, 2021 и др.). Получены сведения, имеющие большое значение для изучения этой эпохи. В данной работе также представлены результаты изучения керамики кулайской культуры с памятников, расположенных на расстоянии 60 м друг от друга, что представляет особый интерес для выявления культурных традиций. Кроме того, приведены данные сравнительного анализа с результатами исследований коллекций с ранее изученных памятников, удаленных на значительное расстояние (400 км и больше) от Нововасюганских (рис. 1. 1).

Нововасюганское городище (городище Путь Севера) (рис. 1. 1–3)

Расположено на территории п. Новый Васюган, который основан спецпереселенцами на рубеже 1920–1930-х гг. и первоначально назывался п. Путь Севера (Лукина, 2004: 13). Первые сборы с памятника поступили в Колпашевский краеведческий музей примерно в 1940–1941 гг. без какой-либо сопроводительной документации. Долгое время считалось, что ее доставил

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006) и при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

директор музея П. И. Кутафьев – первый исследователь археологических памятников Нарымского Приобья. Однако выявленные позже письменные источники из архива Колпашевского краеведческого музея позволяют предположительно назвать первооткрывателем памятника и автором вышеуказанных сборов И. Т. Белимова. Именно он, будучи директором неполной средней школы в п. Путь Севера, собирався, судя по этим новым материалам, в 1937 г. раскапывать городище и, видимо, осуществил свое намерение (Яковлев, Рассамахин, 2000: 96–127). В 1962 г. внештатный сотрудник Колпашевского краеведческого музея В. Е. Добычин во время экспедиции по р. Васюгану в бывшем поселке Путь Севера, переименованном к тому времени в Новый Васюган, приобрел в местной школе «ремень, украшенный сильно выпуклыми медными бляшками». Находка была обнаружена на значительно разрушенном городище на территории населенного пункта – на этом основании В. Е. Добычин назвал памятник Нововасюганским городищем (Добычин, 1962: С. 24).

В 1970 г. памятник обследовал Ю. Ф. Кирюшин. По его данным, городище находится на мысу высотой 12–15 м левого берега р. Васюгана, на окраине п. Новый Васюган, в 60 м к северу от Нововасюганского поселения. С трех сторон памятник окружен валом шириной 1,5–2,0 м, высотой до 0,7 м и рвом шириной 2,0 м, глубиной 0,5–0,7 м. С южной стороны ров заканчивается промоиной, с западной – начинаются огороды жителей ул. Рабочей. Размеры сохранившейся части городища 22 × 30 м. Городище значительно повреждено детьми во время игр и сбора керамического материала для школьного музея. Был снят глазомерный план. В его юго-западной оконечности памятника заложена траншея размером 3 × 1 м. В ходе раскопок обнаружена керамика, камни, кости животных. Также с поверхности памятника поднят подъемный материал (Кирюшин, 1971: 5–6). Л. А. Чиндиной памятник отнесен к васюганскому этапу кулайской культуры (Чиндина, 1984: 206). Материалы опубликованы Ю. Ф. Кирюшиным и Л. В. Панкратовой в статье «Нововасюганское городище» (2002), в которой подробно рассмотрен керамический материал, включающий 528 единиц хранения. Сделан вывод о том, что материалы городища представляют однокультурный комплекс, отражающий особенности формирования и генезиса кулайской культуры. Хронология существования памятника определяется переходным временем от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа (ранний этап) и васюганским этапом кулайской культуры (Кирюшин, Панкратова, 2002: 86–89).

Нововасюганское поселение (поселение Новый Васюган I) (рис. 1. 2, 4)

Обнаружено в 1970 г. Ю. Ф. Кирюшиным (Кирюшин, Малолетко, 1979). Располагалось на левом берегу р. Васюгана высотой 12–15 м, в юго-западной части п. Новый Васюган. Памятник поврежден сооружением двух подъездов от реки к поселку и интенсивно разрушался паводками. Жилищные западины на поверхности не фиксировались. В 1970 г. Ю. Ф. Кирюшиным в осыпи разрушенного берега и заложенной траншее собрана значительная коллекция керамики, обломков тиглей и литейных форм. В 1972 г. им же в северо-восточной части поселения заложен раскоп площадью 114 кв. м, обнаружено жилище с культурным слоем от 0,3 до 0,6 м. Найдена керамика переходной эпохи от бронзы к железу. Часть находок датируется бронзовым веком.

В 2017 г. место расположения поселения было обследовано Д. Ю. Рыбаковым. Однако визуальный осмотр коренной террасы, на которой оно расположено, а также зачистка обнажения результатов не дали. Культурный слой и подъемный материал отсутствовали. Было отмечено, что практически вся территория находится под частной застройкой и огородами местных жителей. С их слов, раньше здесь было произведено выравнивание площадки с использованием тяжелой техники. Возможно, памятник полностью уничтожен (Рыбаков, 2018: 33–34).

В результате раскопок и сборов подъемного материала получена коллекция находок, состоящая из более 6 тыс. очень мелких обломков керамических сосудов, из которых по венчикам

Ю. Ф. Кирюшиным выделено 404 сосуда. По форме, размерам и орнаментации они были разделены на две группы, которые, по мнению Ю. Ф. Кирюшина, вероятно, соответствуют столовой и кухонной посуде. На основании распределения керамического материала при проведении раскопок сделан вывод о том, что часть керамики первого штыка Нововасюганского поселения, а также обнаруженная в заполнении жилища характеризует один из заключительных этапов существования данного поселения и датируется началом раннего железного века. Керамика со второго штыка, очевидно, отражает более ранний этап существования поселения, который может быть датирован концом переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (Кирюшин, 1975: 46–47). Впоследствии Л. А. Чиндиной памятник был отнесен к васюганскому этапу кулайской культуры (Чиндина, 1984: 15, 206). Керамика Нововасюганского поселения включает 2 и 3 группу керамики, датировка которых укладывается в VI–V вв. до н. э. (Чиндина, 1984: 103).

Для технико-технологического анализа керамики представлен 41 образец: 31 с поселения и 10 с городища (рис. 1–4). Это венчики от разных сосудов, которые различаются цветом внешней поверхности: черные, серые и коричневые различных оттенков, красноватые. В изломе также различаются по цвету: черные, серые, бежевые, красноватые, изредка двухцветные. Венчики различаются обработкой поверхности: часть из них заглажена изнутри предметами, оставляющими параллельные бороздки на поверхности, другие заглажены предметом, не оставляющим видимых следов. Некоторые образцы имеют заглаживание инструментом, оставляющим бороздки, и с внешней стороны. При нанесении ямок и жемчужин в нескольких случаях сохранились четкие отпечатки пальцев гончара (рис. 2. 3; 4. 3). Большинство сосудов тонкостенные: толщина стенок варьирует от 0,2 до 0,7 см, преимущественно 0,3–0,5 см.

Сосуды орнаментированы разнообразно и отнесены к нескольким группам керамики по классификации Л. А. Чиндиной. На обоих памятниках найдена керамика группы 2, 3, а на городище в том числе и группы 5 (Чиндина, 1984). На всех изделиях с Нововасюганского поселения в верхней части нанесен ряд жемчужника или ямок. На некоторых сосудах присутствует ряд жемчужника и расположенный ниже или выше ряд ямок. Лишь в трех случаях ряд ямок образует самостоятельную композицию (рис. 2. 1, 2; 3. 6), в остальных сосудах она дополняется мотивами из оттисков и наколов уголка гребенчатого штампа, лопатки, треугольного штампа и овалов, образующих горизонтальные или наклонные мотивы.

Большая часть сосудов с Нововасюганского городища орнаментирована ямками. В одном случае ямки чередуются с жемчужником (рис. 1. 5), на четырех нанесен штамп в виде уточки (рис. 1. 7, 12, 14). На одном из сосудов появляется волна гребенчатого штампа (рис. 1. 12). Их можно отнести к 5 группе керамики по классификации Л. А. Чиндиной, которая датируется рубежом V/IV–II вв. до н. э. (Чиндина, 1984: 103).

Поскольку все сосуды украшены ямками или жемчужинами, иногда и тем и другим видом отпечатков, были проведены специальные исследования ямок и жемчужин. Анализ диаметров ямок, глубины отпечатков, особенностей дна, а также стенок показал, что для нанесения орнамента использовались разные инструменты. Они различались оформлением рабочего края. В частности, диаметром (от 0,3 до 0,6 см), оформлением основания (стенки параллельные, закругляются у самого дна, реже постепенно сужаются к основанию). Видимо, различались и способ нанесения ямок или жемчужин: в ряде случаев инструмент как бы вкручивался, а не вдавливался. Глубина ямок также различается – от 0,2 до 0,6–0,7 см. В некоторых случаях ямки сквозные. Анализ отпечатков свидетельствует о том, что использовались не просто разные инструменты, но можно говорить о разных традициях в выборе инструментов и нанесении подобных оттисков.

Результаты технико-технологического анализа

Исследования выполнены в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А. А. Бобринским с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2017). Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). Рассматривались вопросы выделения культурных традиций, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С.

Нововасюганское городище (городище Путь Севера). Изучено 10 образцов. *Исходное сырье (ИС).* Все сосуды изготовлены из ожелезненных глин: среднеожелезненных (60%) и слабоожелезненных (30%). Один сосуд по цвету занимает промежуточное положение между средне- и слабоожелезненными изделиями. Все сырье сильно запесоченное. Концентрация песка от 1: 1–2 до 1: 3–4. Преимущественно 1: 2 и 1: 2–3. Размер песчинок различается: от 0,1–0,2 до 0,5. Есть и более мелкие частицы, а отдельные включения достигают 1–2 мм. Бурый железняк (БЖ) зафиксирован в 40% образцов. Выделяется один сосуд (рис. 1. 7), где концентрация этих частиц достигает 1: 4–5. В исходном сырье изредка встречаются мелкие отпечатки растительности.

Все глины происходят из разных залежей, о чем свидетельствует состав песка, размерность и концентрация частиц, а также степень ожелезненности глин. Особо выделяются три образца (рис. 1. 5, 7, 14) размером частиц для этих двух коллекций. Размер песчинок в них от 0,2–0,5 мм и выше, в то время как для коллекции в целом подобный размер частиц не характерен.

Формовочные массы (ФМ). Выявлено 2 рецепта: глина + органика (90%) и глина + шамот (10%) (рис. 1. 12). Концентрация шамота до 1: 5. Органики во всех образцах мало. В большинстве случаев ее характер – искусственная или естественная примесь определить затруднительно. Второй рецепт необычный для коллекции.

Нововасюганское поселение (поселение Новый Васюган I). Изучен 31 образец. *Исходное сырье.* По ожелезненности глин ИС подразделяется на ожелезненное и неожелезненное. Последнее зафиксировано всего в одном случае в качестве второй глины (рис. 2. 5). Ожелезненное ИС подразделяется на средне- и слабоожелезненное (соответственно 53 и 35%). Необходимо отметить, что особую группу составляют образцы (12%), которые по цвету занимают промежуточное положение между слабо- и среднеожелезненным сырьем. Все сосуды изготовлены из сильнозапесоченного сырья. Песок очень мелкий. Как правило, размер частиц от 0,1 мм и меньше. Как исключение встречаются частицы размером 0,2–0,3 мм или 0,5 мм. В двух образцах выявлены остроугольные частицы (рис. 2. 8; 3. 8), в одном – их размер достигал 2 мм. Есть небольшие различия в концентрации песка: от 1: 1 до 1: 3–4. Однако концентрация 1: 3–4 выявлена всего в одном образце (рис. 4. 4), 1: 3 – дважды (рис. 2. 3; 4. 3). В основном используются глины, в которых концентрация песка 1: 1–2 и 1: 2–3. Из других естественных минеральных примесей в 52% образцов зафиксирован бурый железняк. Как правило, это округлые частицы (рис. 4. 14), мелкие и в очень низкой концентрации (1 частица на несколько квадратных сантиметров). Выделяется один образец с включениями охристого облика. Кроме того, зафиксированы мельчайшие обломки косточек рыб (рис. 4. 16), реже отпечатки чешуи рыб (в общей сложности в 65% образцов). Обычно это 1–2 мелких фрагмента косточек на всей изучаемой поверхности образцов, то есть помимо свежего слома учитывалась внутренняя и внешняя поверхность фрагментов керамики. Изредка встречаются отпечатки мелких фрагментов растений.

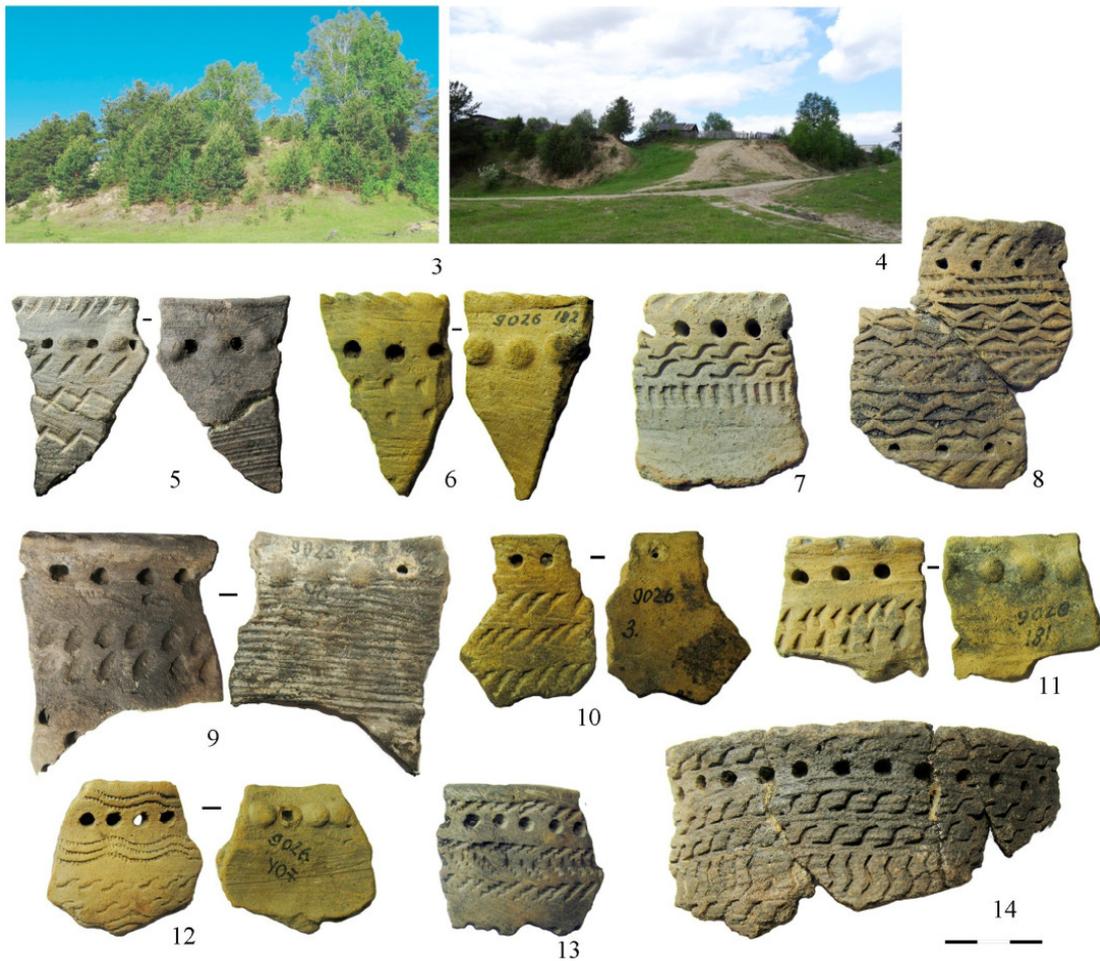
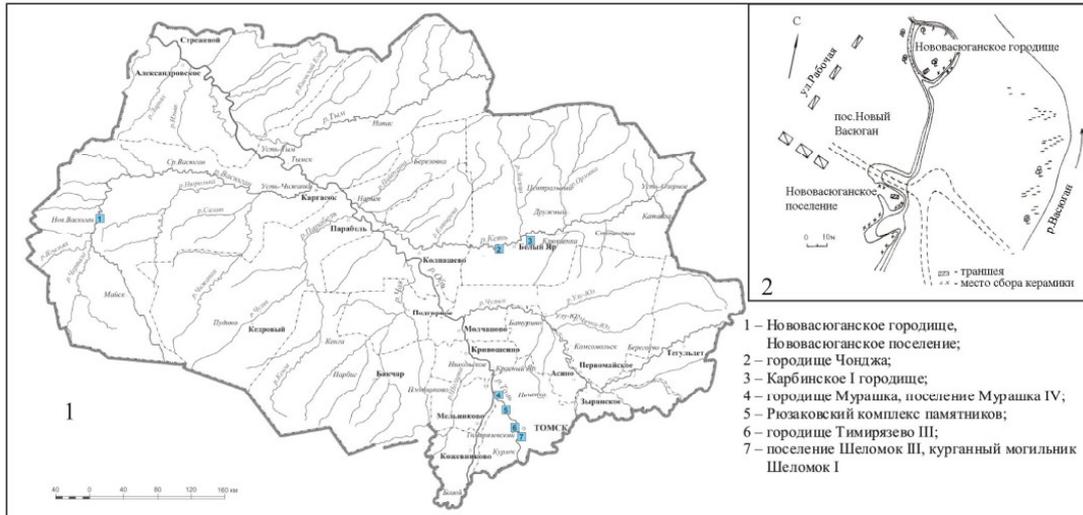

Рис. 1.

1. Место расположения Нововасюганских памятников на карте Томской области.
2. Ситуационный план расположения Нововасюганского городища и поселения (Кирюшин, 1971: приложение 2).
3. Общий вид Нововасюганского городища (съёмка Д. Ю. Рыбакова 2017 г.).
4. Общий вид места расположения Нововасюганского поселения (съёмка Д. Ю. Рыбакова 2017 г.).
- 5–14 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского городища

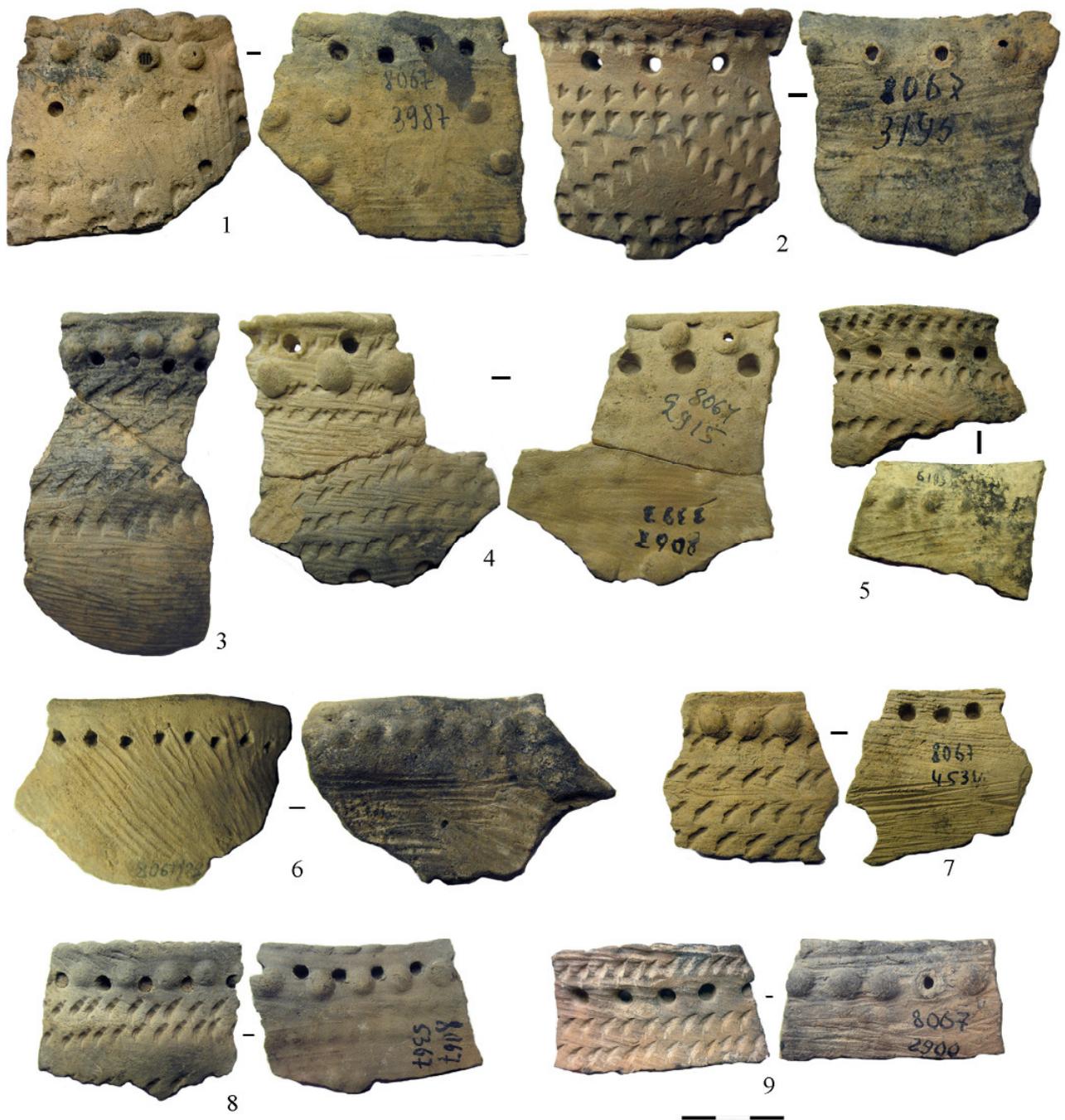

Рис. 2.
1–9 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского поселения

Рис. 3.
1–9 – фрагменты керамических сосудов с Нововасюганского поселения

Анализ признаков показал, что исходное сырье взято из разных, но очень похожих между собой источников. Наличие в ИС мелких обломков костей рыб, а также изредка встречающихся комочков сухой глины свидетельствует, что брали его на берегу водоемов.

Формовочные массы. Выделяются 3 рецепта: глина + глина + органика (10%) (рис. 2. 5; 3. 5; 4. 5), глина + шамот + органика (13%) (рис. 2. 1, 3; 3. 5, 9), глина + органика (77%), которые по наличию искусственно введенных минеральных примесей объединены в группы: 1) глина + органика и глина + глина + органика (87%); 2) глина + шамот + органика (13%). В тех образцах, в которых выявлены частички шамота, их концентрация составляет от 1: 8 и меньше. Такая низкая концентрация может свидетельствовать об отмирании традиции добавлять шамот или о случайном попадании шамота в формовочные массы. Необходимо отметить, что органики, как правило, мало. Определить ее характер (естественная – искусственная) во многих случаях затруднительно.

Сравнительный анализ результатов изучения исходного сырья и формовочных масс с этих двух памятников показал, что исходное сырье коллекций похоже тем, что во всех случаях оно сильно запесочено (рис. 4. 14–18). Несмотря на то, что песчинки очень мелкие, исходное сырье с городища незначительно отличается размером частиц: на городище песок более крупный – от 0,1–0,2 мм и больше, а на поселении более мелкий – от 0,1–0,2 мм и меньше. Это свидетельствует о том, что традиции в выборе ИС были аналогичными, но использованы разные залежи глин. Ни на одном из двух памятников не выявлено сосудов, изготовленных из одной и той же глины. Необходимо подчеркнуть, что по концентрации песка с Нововасюганского поселения выделяются 3 образца (рис. 2. 3; 4. 3, 4). Эти же образцы выделяются и по орнаментации: все три сосуда украшены овальным штампом. По-видимому, совпадение двух необычных признаков является неслучайным.

К отличиям от ранее изученных коллекций относится факт, что не выявлено использования нежелезненных глин, характерного для Томского Приобья (Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021). Однако процент слабожелезненных глин достаточно высок и на Нововасюганских поселениях и городище. Это отличает от коллекций с сопредельных территорий, в частности Алтая (Степанова, 2015; 2017).

Другое отличие этих двух коллекций от изученных ранее в том, что практически не фиксируется специальное введение минеральных примесей в формовочные массы. В общей сложности шамот выявлен всего в 12% образцов и ни одного случая с добавлением дресвы. Среди них особое место занимает один сосуд, в котором концентрация шамота достигает 1: 5 (рис. 1. 12). В остальных обнаружено минимальное количество частиц, что может свидетельствовать об угасании традиции, так как то количество шамота, что было добавлено в формовочные массы, не могло отразиться на качестве изделия.

Как уже отмечалось ранее, для Томского Приобья в раннем железном веке характерно использование дресвы, а для памятников из Прикетья – шамота (Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, Плетнева, Рыбаков, 2021). В то же время на большинстве памятников фиксировалось незначительное количество сосудов, изготовленных без добавления минеральных примесей, которые предположительно связывали с особой группой населения. В данном случае на Нововасюганском поселении и городище наблюдается традиция подготовки формовочных масс без добавления минеральных примесей, а об особой группе населения, представленной в небольшом количестве, свидетельствуют рецепты с шамотом.

Технико-технологический анализ керамики проведен для ряда коллекций с памятников кулайской культуры (сургутский вариант) из других регионов. Было также установлено, что при составлении формовочных масс преимущественно использовалась дресва, реже шамот, наблюдается смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (дресва + шамот) (Селин, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021).

Выше уже отмечался ряд различий в орнаментации коллекций Нововасюганских памятников. На наш взгляд, отличие в орнаментации керамики поселения и городища связано с различной хронологией их существования. Об этом свидетельствует как наличие штампа уточка на части сосудов Нововасюганского городища, так и уменьшение числа сосудов, орнаментированных жемчужником. Проведенный статистический анализ керамического комплекса Степановского III поселения V–III вв. до н. э. со Среднего Васюгана (раскопки Н. В. Торощиной) показывает, что из 29 учтенных сосудов 22 (76%) были орнаментированы жемчужником. Сокращение числа сосудов, орнаментированных жемчужником, в последующее время является хронологическим признаком. Для поселений конца IV–II вв. до н. э. Томского Приобья число сосудов, орнаментированных жемчужником, максимально (поселение и городище Рюзаково (Духовое) – 55,5%, городище Чердашный Лог I – 49%, поселение Половинка I – 41%). Для памятников I в. до н. э. – II в. н. э. их число значительно ниже (городище Мурашка – 21%, поселение Мурашка IV – 20%). Для поселений Новосибирского Приобья I в. до н. э. – I в. н. э. этот показатель еще ниже (поселение Дубровинский Борок-3 – 2%, поселение Ордынское-9 – 0%, поселение Усть-Ирмень – 2%). В III–IV вв. в Томском Приобье жемчужник практически полностью отсутствует (поселение Аникино I – 1,5%, городище Тимирязево III – 0%) (Рыбаков, 2015). В связи с этим можно предположить, что некоторые различия, характерные для исходного сырья Нововасюганского поселения и городища, могут быть неслучайными и связаны с хронологическими различиями изученных комплексов, то есть гончары придерживались тех же традиций в выборе исходного сырья и подготовки формовочных масс, однако прежние места добычи глины им были не известны.

Подводя итог, необходимо отметить, что особенности обжига, обработки поверхности сосудов, нанесения орнамента свидетельствуют о разных традициях изготовления керамики, разных гончарах и группах населения. В то же время удивительное сходство в выборе исходного сырья и составлении формовочных масс свидетельствует о единой традиции, но при этом не выявлено сосудов, изготовленных из одного замеса или одной и той же глины. Исключений в составлении рецептов формовочных масс очень мало (добавление шамота), что может свидетельствовать о небольшом притоке населения с другими навыками подготовки формовочных масс, характерными прежде всего для Прикетья.

Источники:

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Добычин В. Е.** Отчет о поездке по реке Васюган. 1962 // Архив Колпашевского краеведческого музея. Без номера.
- Кирюшин Ю. Ф.** Отчет об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, летом 1970 г. Томск. 1971. 23 с. // Архив МАЭС ТГУ, № 467.
- Кирюшин Ю. Ф.** Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. 1975. Вып. 16. С. 29–48.
- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М.** Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во ТГУ. 1979. 182 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Панкратова Л. В.** Нововасюганское городище // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: Изд-во ТГУ. 2002. Т. 1. С. 67–96.
- Коллекция керамики с Нововасюганского поселения (Каргасокский район Томской области). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1970 г. Фонды МАЭС ТГУ, № 8067.
- Коллекция керамики с Нововасюганского городища (Каргасокский район Томской области). Раскопки Ю. Ф. Кирюшина 1970 г. Фонды МАЭС ТГУ, № 9026.
- Лукина Н. В.** Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии. Томск. 2004. Т. 1: Васюган. 245 с.
- Плетнева Л. М., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Шеломок II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 107–117.

- Рыбаков Д. Ю.** Томское Приобье в конце IV/III вв. до н. э. – IV в. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Томск. 2015. 24 с.
- Рыбаков Д. Ю.** Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Археологическая разведка в Каргасокском районе Томской области в 2017 г.» Томск. 2018. 102 с. // Архив ООО «Сибирская археология», №40.
- Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. № 2 (22). С. 86–90.
- Рыбаков Д. Ю., Степанова Н. Ф.** Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. Вып. 49. С. 56–63.
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.** Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. №5. С. 116–128.
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П., Мыльникова Л. Н.** Керамика городища эпохи раннего железа Барсов городок III/6 в Сургутском Приобье: технико-технологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. №2. С. 72–83.
- Селин Д. В.** Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. №7. С. 86–96.
- Степанова Н. Ф.** Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.
- Степанова Н. Ф.** Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.
- Степанова Н. Ф., Плетнева Л. М., Рыбаков Д. Ю.** Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Томского гос. ун-та. История. №69. 2021. С. 55–61.
- Степанова Н. Ф., Рыбаков Д. Ю.** Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 607–613.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.
- Яковлев Я. А., Рассмахин Ю. К.** У истоков Колпашевского краеведческого музея: Петр Иванович Кутафьев // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск. 2000. Т. X. С. 96–127.

Степанова Надежда Федоровна.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.

E-mail: nstepanova10@mail.ru

Кирюшин Юрий Федорович.

Доктор исторических наук, профессор.

Алтайский государственный университет.

Пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049.

Рыбаков Дмитрий Юрьевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, г. Томск, 634050.

E-mail: dima0183@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 марта 2022 г.

N. F. Stepanova, Yu. F. Kiryushin, D. Yu. Rybakov

**THE RESULTS OF THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS
OF KULAI CULTURE CERAMICS FROM THE NOVOVASYUGAN SETTLEMENT
AND THE SETTLEMENT FROM THE NARYM OB REGION**

The article presents the results of studies of ceramics from two sites (Novovasyugan settlement and settlement) of the Kulai culture from the Narym Ob region, located in close proximity – at a distance of 60 m, which is of particular interest for identifying traditions in the manufacture of pottery. The technical and technological analysis of ceramics was carried out within the framework of the historical and cultural approach. The main objective of the research was to identify the specifics of cultural traditions in the selection of raw materials and the preparation of pottery paste and a comparative analysis of the results obtained. As a result of the study of the raw materials, it was found that ferruginous clays (medium and slightly degree of iron content in clay) with a large amount of fine sand were used. Artificial mineral impurities were practically not introduced into the pottery paste, only in a few cases chamotte was recorded, as a rule, in a low concentration, which did not affect the quality of the vessels. Skills in the selection of raw materials and preparation of pottery paste from these two sites are very similar, but vessels made of the same clay were not found. It was found that the potters from the settlement and the settlement used different clay deposits, which differed in the size of the sand. The peculiarities of firing of vessels, surface treatment of vessels, and the application of ornaments indicate different traditions of pottery making, different potters and groups of the population. Perhaps the identified features are related to chronological reasons, as evidenced by differences in the ornamentation of vessels. A comparative analysis with the previously studied collections of the Kulai culture revealed differences. The Kulai monuments from the Tomsk Ob region are characterized by the use of weak – and non iron clay with the addition of crushed stone (broken stone) to the pottery paste, and the addition of chamotte for the Priketye. At the Novovasyugan settlement and the settlement site, non iron clay and the broken stone were not detected, and mineral impurities were rarely introduced. The presence of recipes with chamotte on the Novovasyugan sites may indicate a small influx of people with other skills in preparing pottery paste characteristic of the Tomsk region.

Keywords: *Novovasyugan settlement, settlement, Kulai culture, ceramics, technical and technological analysis, raw materials, pottery paste, ornament, Narym and Tomsk Ob.*

References:

- Bobriniskii A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. M.: Nauka, 1978. 272 p. (in Russian)
- Bobriniskii A. A.** Gonchamaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya // Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva: (koll. monografiya). Samara: Izd-vo SamGPU, 1999. P. 5–109. (in Russian)
- Dobychin V. E.** Otchet o poezdke po reke Vasyugan // Arkhiv Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya. Bez nomera. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F.** Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Problemnoi laboratorii istorii, arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. V. Kuibysheva, letom 1970 g. Tomsk. 1971. 23 p. // Arkhiv MAES TGU, № 467. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F.** Novovasyuganskoe poselenie // Iz istorii Sibiri. Tomsk: Izd-vo TGU. 1975. Vyp. 16. P. 29–48. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F., Maloletko A. M.** Bronzovyi vek Vasyugan'ya. Tomsk: Izd-vo TGU. 1979. 182 p. (in Russian)
- Kiryushin Yu. F., Pankratova L. V.** Novovasyuganskoe gorodishche // Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo. Tomsk: Izd-vo TGU. 2002. T. 1. P. 67–96. (in Russian)
- Lukina N. V.** Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya: Istochniki po etnografii. Tomsk. 2004. T. 1: Vasyugan. 245 p. (in Russian)
- Pletneva L. M., Stepanova N. F.** Results of the technical and technological analysis of ceramics from Shelomok II settlement // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2018. № 3 (21). P. 107–117. (in Russian)
- Rybakov D. Yu.** Tomskoe Priob'e v kontse IV/III vv. do n. e. – IV v. n. e.: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.06. Tomsk. 2015. 24 p. (in Russian)
- Rybakov D. Yu.** Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: arkheologicheskaya razvedka v Kargasokskom raione Tomskoi oblasti v 2017 g. Tomsk. 2018. 102 p. // Arkhiv OOO "Sibirskaya arkheologiya", № 40. (in Russian)
- Rybakov D. Yu., Stepanova N. F.** Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulaiskoi keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Dukhovoe) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 2 (22). P. 86–90. (in Russian)

- Rybakov D. Yu., Stepanova N. F.** The results of technical and technological analysis of ceramics of the kulai cultural-historical community's sites from the Tomsk and Narym Ob region. In Tomsk state university journal of history. 2017, iss. 49, pp. 56–63. (in Russian)
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.** Osobennosti keramiki kulaiskoi kul'tury (surgutskii variant) gorodishcha Barsov gorodok I/32 (Surgutskoe Priob'e) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija. 2021. T. 20. №5. P. 116–128. (in Russian)
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P., Myl'nikova L. N.** Keramika gorodishcha epokhi rannego zheleza Barsov gorodok III/6 v Surgutskom Priob'e: tekhniko-tekhnologicheskii analiz // Arkheologija, etnografiya i antropologija Evrazii. 2021. T. 49. №2. P. 72–83. (in Russian)
- Selin D. V.** Keramicheskoe proizvodstvo kulaiskoi kul'tury v Novosibirskom Priob'e: po materialam mogil'nika Kamennyi Mys // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija. 2021. T. 20. №7. P. 86–96. (in Russian)
- Stepanova N. F.** Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixtures in ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). In Samarskii nauchnyi vestnik, 2015, No 4 (13), pp. 90–95.
- Stepanova N. F.** Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017, vol. XXIII, pp. 401–404. (in Russian)
- Stepanova N. F., Pletneva L. M., Rybakov D. Yu.** Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk ob region // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. №69. 2021. P. 55–61. DOI:10.17223/19988613/69/7 (in Russian)
- Stepanova N. F., Rybakov D. Yu.** Features of raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk and Narym Ob region. In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2019, vol. XXV, pp. 607–613. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613 (in Russian)
- Tsetlin Y. B.** Ancient Ceramics. Theore and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAN, 2012, 384 p. (in Russian)
- Chindina L. A.** Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulaiskaya kul'tura). Tomsk: Izd-vo TGU, 1984. 255 p. (in Russian)
- Yakovlev Ya. A., Rassamakhin Yu. K.** U istokov Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya: Petr Ivanovich Kutaf'ev // Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk. 2000. T. Kh. P. 96–127. (in Russian)

Stepanova Nadezhda Fedorovna.

Candidate of historical sciences, senior researcher.

**Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.**

61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.

E-mail: nstepanova10@mail.ru

Kiryushin Yury Fyodorovich.

Doctor of science (history), professor.

Altai State University.

61 Lenina ave., Barnaul, Russia, 656049.

Rybakov Dmitry Yurievich.

Candidate of historical sciences, senior researcher.

Tomsk State University.

36 Lenin ave., Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: dima0183@yandex.ru